

Особенности отношений межличностной значимости и взаимовосприятия в студенческих учебных группах

Ю.М. КОНДРАТЬЕВ

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета

В статье изложены материалы эмпирического исследования, посвященного социально-психологическому анализу процессов интрагруппового структурирования в учебных студенческих группах и самооценки их разностатусных членов. Показано, что студенческие учебные группы различаются по уровню своего социально-психологического развития, что в решающей степени обуславливается сроком их жизнедеятельности. Продемонстрировано, что в группах первокурсников, третькурсников или пятикурсников интрагрупповые структуры аттракционных, референтных отношений и неформальной власти носят качественно различный характер. Кроме того, эмпирически доказано, что такая социально-психологическая переменная, как интрагрупповой статус, принципиально по-разному проявляется в процессе самооценки членов студенческих учебных групп первокурсников, третькурсников, пятикурсников.

Ключевые слова: *студенческая учебная группа, интрагрупповая структура, аттракционные отношения, референтные отношения, отношения неформальной власти, отношения межличностной значимости, самооценивание, интрагрупповой статус.*

В психологической литературе проблематика межличностных отношений как в студенческих группах, так и в учебно-воспитательных коллективах вузов хоть и представлена, но, к сожалению, в ряде случаев излишне конспективно и при этом нередко неоправданно теоретизирована, а в эмпирических изысканиях, наоборот, порой неоправданно детализирована, а главное, не подкреплена конкретной концептуализированной схемой интерпретации. Понятно, что в рамках данной статьи ни в коей мере не ставилась цель психологически

выверенно охарактеризовать и подробно описать всю многоаспектность отношений межличностной значимости в современном российском вузе. Внимание здесь сосредоточено на анализе лишь системы отношений «студент-студент». Основными причинами подобного выбора являются следующие обстоятельства. Прежде всего, это тот факт, что сегодня, когда личностно-ориентированная модель образования все же начинает вытеснять модель учебно-дисциплинарную, ведущим субъектом образовательного процесса в вузе по-

степенно становится именно студент, успешная социализация и профессионализация которого отчетливо проявляется в его взаимоотношениях со своими основными партнерами по обучению (сокурсниками).

Осуществляя содержательный анализ отношений межличностной значимости в учебной студенческой группе, необходимо последовательно подвергнуть детальному рассмотрению и оценке три основные универсально-значимые интрагрупповые структуры, которые наиболее полно и, главное, адекватно отражают статусно-ролевой «расклад» сил в студенческой общности с точки зрения аттракционных, референтных и неформально властных отношений. Именно сопоставление этих трех важнейших ракурсов рассмотрения взаимодействия и общения членов любой реально функционирующей группы позволяет получить адекватную картину сложившихся в ней отношений межличностной значимости и характера статусной интрагрупповой иерархии. Понятно, что подобный анализ правомерно вести, учитывая уровень социально-психологического развития группы, который в условиях вуза практически напрямую связан с продолжительностью ее функционирования. Так, принято определять группы первокурсников как общности «становящиеся» (в своем большинстве просоциальные ассоциации), группы третьекурсников — как общности «зрелые» (в своем большинстве просоциальные кооперации), группы пятикурсников — как общности «умирающие», по сути дела, завершающие свое функционирование в качестве референтных для своих членов сообществ.

Особенности аттракционной структуры студенческих групп

Начнем с *системы аттракционных отношений* в учебной студенческой группе. Следует отметить, что традиционно в социальной психологии аттракционные, непосредственно эмоциональные внутригрупповые связи, по сути, отношения типа «симпатия — антипатия» исследуются с помощью социометрической и аутосоциометрической процедур. Как показывает целый ряд конкретных эмпирических работ, практически все учебные студенческие группы являются примерами сообществ, в социометрическом плане состоящих из высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных членов. Таким образом, вне зависимости от того, на каких курсах учатся студенты, в подавляющем большинстве случаев речь идет о трехуровневых в социометрическом плане группах. Правда, соотношение социометрических статусных слоев в них напрямую зависит именно от времени совместного обучения. Средние показатели по группам первокурсников следующие: социометрических «звезд» — 6 %, предпочитаемых — 60 %, аутсайдеров — 34, по группам третьекурсников: социометрических «звезд» — 21, предпочитаемых — 64 %, аутсайдеров — 15; по группам пятикурсников: социометрических «звезд» — 15, предпочитаемых — 41 %, аутсайдеров — 44 %. Многие исследователи сознательно не реализуют возможность получить данные, отражающие картину отрицательных социометрических выборов. Причин подобного решения по меньшей мере две. Первая из них связана с тем, что негативная информация, если она вдруг (по каким-либо обстоятельствам) окажется известной ис-

пытуемым, может привести к открытому конфликту в сообществе. Вторая причина связана с тем, что вообще концентрация внимания человека на «негативе» (например, простым стимулом «задумайся») может серьезно повлиять как на самооценку, так и на общий групповой социально-психологический климат. Вообще исследования, включающие подобного рода опросы в качестве обязательной стадии, должны предполагать последующее корректирующее, а порой и психотерапевтическое вмешательство.

Еще одним немаловажным показателем, раскрывающим суть социометрического «расклада» в студенческих группах, является количество взаимных выборов испытуемых. Данный параметр аттракционных отношений выглядит следующим образом: первокурсники — 6 % взаимных выборов, третьекурсники — 16, пятикурсники — 14 %. При этом в группах первокурсников количество взаимных выборов значимо меньше, чем в группах третьекурсников ($p \leq 0,001$); в группах первокурсников выборов значимо меньше, чем в группах пятикурсников ($p \leq 0,01$).

Достаточно интересными выглядят и данные по социометрическим «изолянтам»: на первом курсе «изолянтов», т. е. членов группы, не получивших ни одного выбора, — 19 %; на третьем — 4; на пятом — 21 %.

Отдельный интерес представляют данные, раскрывающие ситуацию полного или частичного отказа от предложенной возможности выборов. Так, на первом курсе полностью или частично отказываются использовать возможность выбрать в социометрическом плане троих своих товарищей по группе более трети студентов, на третьем — прак-

тически каждый двадцатый, на пятом — каждый десятый.

Анализ данных социометрического опроса более продуктивен, если его проводить с учетом показателей аутосоциометрического опроса. Аутосоциометрическая картина позволяет судить о степени адекватности экспектаций в сфере аттракционных отношений студентов разных курсов и демонстрирует определенную тенденцию, согласно которой чем старше курс, тем выше степень совпадения ожиданий и реальных выборов. Для первокурсников этот показатель равен 10 %, для третьекурсников — приближается к 40, а для пятикурсников — к 50 %.

В то же время картина выглядит принципиально иначе, если речь идет о студентах, которые в рамках социометрической процедуры демонстрируют взаимные выборы: подобных случаев «угадывания» среди таких первокурсников из студентов-первокурсников, которые были отмечены на этапе социометрической процедуры как демонстрирующие взаимные выборы, — 87 %, из студентов-третьекурсников — 62, а пятикурсников — 94 %.

Что касается социометрических «изолянтов»: если на первом курсе они, как правило, считают, что будут обязательно выбраны кем-то более чем в 90 % случаев, то на третьем и пятом уже четко осознают отношение к ним товарищей и лишь в единичных случаях демонстрируют ошибочную «надежду» на межличностный выбор.

Итак, какие же выводы по поводу выраженности аттракционной стороны межличностной значимости членов студенческих групп разных курсов можно сделать? Совершенно очевидно,

что имея дело с сообществами, включающими в этом плане три иерархически выстроенных статусных слоя (социометрические «звезды», предпочитаемые и в социометрическом плане аутсайдеры), нельзя не видеть их взаимную нетождественность. По сути дела, эти группы находятся на разных этапах своего развития, и если обратиться к обыденной терминологии, их можно было бы обозначить как группы «зарождающиеся», «становящиеся» (первокурсники), группы «зрелые» (третьекурсники) и группы «умирающие» (пятикурсники). В данном случае можно говорить, что наработанные данные фиксируют специфику аттракционных отношений в студенческих группах на всем протяжении процесса их жизни, рисуя особенности социометрического «расклада» в каждой из качественных точек их существования.

Как показывает целый ряд исследований (2–5 и др.), одним из наиболее показательных параметров, доказывающих устойчивость, стабильность и превалирование процесса развития над процессом регресса группы, является такой показатель, как явное преобладание (прежде всего в количественном плане) представителей среднестатусного «слоя» над представителями двух полярных статусных категорий. На первом и третьем курсах складывается именно такая ситуация, что касается групп студентов пятого курса, то эти ученические сообщества демонстрируют очевидное преобладание студентов, являющихся социометрическими «звездами» и социометрическими аутсайдерами, над теми, кого можно обозначить термином «среднестатусный член группы». Чем же объясняются подобные результаты?

Картина обычного распределения социометрических статусов в группах первого курса демонстрирует традиционную картину аттракционных отношений, по сути, в любом становящемся, зарождающемся малом сообществе: процесс дифференциации еще просто не завершен, более того, вообще процесс перерастания диффузной группы в группу типа просоциальной ассоциации не окончен. Этот вывод подтверждают и крайне небольшое число социометрических «звезд» и отчетливое преобладание в количественном плане над ними социометрических аутсайдеров. Следует отметить также, что в данном случае мы сталкиваемся, скорее, не с растражированными фактами эмоционального отторжения, а попросту с отсутствием необходимого опыта каких бы то ни было (и позитивных, и негативных, и эмоционально нейтральных) контактов в рамках каждого конкретного студенческого сообщества первокурсников. На это указывают и значительное число «изолянтов» в группе, и наличие более чем существенной части испытуемых, которые в группах этой категории отказываются либо полностью либо частично использовать свое право на социометрический выбор, и отсутствие необходимого для полноценно функционирующей группы числа взаимных выборов.

Еще одним аргументом в пользу представления о том, что группы первокурсников — группы, находящиеся на одном из начальных этапов их становления, служат результаты, многократно полученные с помощью аутосоциометрической процедуры. Интерпретационная составляющая данного традиционного эмпирического замера позволяет исследователю достаточно легко оце-

нить адекватность экспектации испытуемых в сфере их эмоционального взаимодействия и общения в рамках студенческого сообщества. Следует специально напомнить, что в рамках рассматриваемого случая подобный показатель — совпадение ожиданий и реальных выборов — выражено низок: более 90 % испытуемых «изолянтов» считают, что будут выбраны своими согруппниками. В то же время этот показатель высок (около 90 %), когда дело касается студентов, которые в рамках классической социометрической процедуры демонстрируют взаимность выборов. Понятно, что здесь нет противоречия, ведь «изолянты», как правило, неадекватно оценивают свое положение в аттракционной системе отношений и неоправданно ожидают, что будут выбираться своими согруппниками более или менее интенсивно.

Что касается студентов третьего курса, то в плане аттракционных отношений можно с достаточной долей уверенности утверждать, что речь идет о сообществе, в эмоционально-отношенческом плане находящемся на стадии «продвинутой» ассоциации или даже кооперации. На это указывает наличие и ярко выраженной среднестатусной прослойки, и вполне сбалансированных полярных статусных страт. При этом число социометрических «звезд» отчетливо превалирует над числом аутсайдеров. Характеризуя социометрическую структуру студенческих групп третьекурсников, следует отметить ничтожное число и «изолянтов», и студентов, которые не полностью реализовали предоставленные им возможности социометрических выборов в рамках группы (по сравнению с первокурсниками оба эти показателя менее выра-

жены; $p \leq 0,05$). Подтверждает оправданность данной логики размышлений и такой параметр, характеризующий аттракционные взаимоотношения третьекурсников, как количество взаимных выборов между ними: оно в группах третьего курса значимо выше, чем в группах первого курса ($p \leq 0,05$).

Кроме того, если на первом курсе большинство «изолянтов» неоправданно надеются, что их товарищи по группе предпочтут в ходе социометрического обследования именно их, то на третьем курсе подобных неподкрепленных реальными выборами ожиданий практически не бывает.

Определенный вопрос вызывает тот факт, что среди студентов, которые в рамках социометрической процедуры демонстрируют взаимность выборов, лишь примерно две трети выражают адекватные реальности ожидания в рамках аутосоциометрической процедуры. В то же время целенаправленное наблюдение за жизнедеятельностью этих групп и консультации с компетентными лицами позволяют достаточно легко объяснить этот, на первый взгляд, парадоксальный результат. По-видимому, студенты-первокурсники, демонстрирующие взаимность выборов, находятся на стадии становления отношений межличностной значимости в их аттракционном плане, которая характеризуется четкой рефлексией этих отношений в связи с их поведенческой открытостью, и не могут не угадать ответного отношения к ним. Причем эти отношения эмоциональной привязанности и эмоционального отвержения находятся на этапе нарастания и потому более чем очевидны. В то же время третьекурсники, будучи членами уже достаточно развитых групп, обладают

системой эмоциональных отношений, имеющих свою историю. Безусловно, в целом ряде случаев эта «история», по сути, себя изжила, но на момент проведения обследования этот факт мог осознаваться лишь одним из пары взаимовыбирающих.

Теперь, что касается аттракционной структуры групп студентов-пятикурсников. Распределение социометрических «звезд», предпочитаемых и аутсайдеров в данном случае наглядно демонстрирует, что эти сообщества могут быть отнесены к категории завершающих свою жизнедеятельность, особенно если иметь в виду, что они прошли уже описанные в этом плане качественные точки первого и третьего курсов. Отличительной чертой аттракционной структуры этих сообществ является то, что число социометрически пренебрегаемых и «изолянтов» больше, чем не только число социометрических «звезд», но и даже предпочитаемых. Подобный «перекос» может в данном случае означать одно — группа гибнет. На это указывает и число «изолянтов» (их в группах пятикурсников значимо больше, чем третьекурсников) и студентов, отказавшихся от реализации своего права на выбор (на пятом курсе таких существенно больше, чем на третьем).

Подтверждают подобный вывод и эмпирические результаты, полученные с помощью аутосоциометрической процедуры. Правда, число студентов, адекватно воспринимающих свое положение в аттракционно-отношенческой структуре группы, здесь больше чем в других подвыборках — около 50 %. Этот результат во многом определяется четко осознаваемой, уже «отфильтрованной» схемой отношений тех, кто имеет взаимный вы-

бор, и тех, кто хоть и осознает, что данный член группы его не выберет, сам его выбирает. Что касается «изолянтов», то на пятом курсе, как и на третьем, а может, и более отчетливо, они осознают свою реальную изолированность.

Особенности структуры референтных отношений студенческих групп

Теперь проанализируем особенности референтометрической структуры учебных студенческих групп. Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что референтометрическая структура этих сообществ, как и аттракционная, является трехуровневой. Следует отметить, что подобная характеристика ранговой референтометрической структуры с полным основанием может быть отнесена к студенческим сообществам как первого, так третьего и пятого курсов. Нарботанные эмпирические данные выглядят по подвыборкам-курсам следующим образом: референтометрических «звезд» у студентов первого курса оказывается не более 5 %, в группах третьего курса — немногим более 10, в группах пятого курса — не более 5. Референтно-среднестатусных среди первокурсников немногим более 20 %, среди третьекурсников — почти 70, а среди пятикурсников — 40. Что касается тех, чье мнение в сфере отношений межличностной референтной значимости в студенческой группе оказывается незначимым для сокурсников, то на первом курсе таких примерно три четверти, на третьем — не более одной четверти, а на пятом — немногим более половины.

Если говорить о взаимных референтометрических выборах, здесь картина принципиально не отличается от той, ко-

торая фиксируется при исследовании чисто аттракционных отношений студентов разных курсов: на первом курсе взаимных референтометрических выборов не более 10 %, а на третьем и пятом курсах — не более 20. Таким образом, в группах первокурсников количество взаимных референтометрических выборов значительно меньше, чем в студенческих группах третьекурсников и пятикурсников (в обоих случаях $p \leq 0,01$).

Не менее интересными оказываются данные, касающиеся членов группы, которые незначимы в референтном плане для своих согруппников. Так, на первом курсе подобных референтометрически выявленных «изолянтов» около трети, на третьем — каждый шестой, а на пятом — около 40 %. Для того чтобы представить полную картину интрагрупповых референтных отношений, нельзя обойти вниманием и случаи, которые отражают факт далеко не единичных отказов студентов от реализации своего права запросить мнение согруппников по вопросам значимой для всех сферы жизнедеятельности группы — «межличностные отношения». На первом курсе полностью или частично отказались использовать возможность выбрать в референтометрическом плане трех своих товарищей по группе более половины испытуемых, на третьем — менее 10 %, на пятом — около трети студентов. Таким образом, на третьем курсе качественно меньше студентов, не использовавших свое право референтометрического выбора, по сравнению со студентами первого и пятого курсов (при сравнении соответствующих показателей в схеме «первый—третий курс» и «первый—пятый курс» уровень значимых различий $p \leq 0,001$ и $p \leq 0,01$, а при сравнении по

данному параметру третьего и пятого курсов — $p \leq 0,05$).

Вряд ли можно было бы говорить об исчерпывающей картине референтных отношений в учебной студенческой группе, если оставить без внимания эмпирику, которая наработана с помощью аутореферентометрической процедуры и позволяет судить, каким образом и в какой степени соотносятся реальные референтометрические выборы и их ожидания в учебных группах студентов разных курсов. Характеризуя типичную в этом плане ситуацию, можно констатировать, что психологи неоднократно фиксировали закономерность, согласно которой в системе референтных отношений чем старше курс, тем выше степень совпадения ожиданий и реальных выборов. Цифровые показатели в этом случае следующие: первокурсники — немногим более 6 %, третьекурсники — более 10, пятикурсники — более 25. Следует отметить, что, как правило, студенты, которые демонстрируют в рамках собственно референтометрической процедуры взаимность выборов, отчетливо чаще, чем другие, адекватно оценивают свою позицию в референтометрической структуре группы: три четверти на первом курсе, около 70 % на третьем и около 90 на пятом достаточно четко представляют, кто из них и для кого конкретно является референтным лицом.

Нельзя не отметить, что референтометрические «изолянты» в зависимости от того, на каком курсе они учатся, демонстрируют совершенно различную меру осознания отношений референтности в сообществе и своего положения в этом плане в нем. Так, если на первом курсе более 70 % студентов, которые вообще в ходе референтометрического

опроса не определяются своими со-
группниками как значимые, считают,
что интерес к их позиции по поводу меж-
личностных отношений в группе будет
проявлен; аналогичный показатель по
третьему курсу — около 40 %, а по пято-
му — около 10. Другими словами, зако-
номерность, традиционно фиксируемая
с помощью аутосоциометрической про-
цедуры («чем старше курс, тем более
адекватны ожидания реальным выбо-
рам»), в еще более жесткой форме выра-
жена в ситуации, когда речь идет именно
о референтометрических «изолянтах»,
которые качественно чаще в своих ожи-
даниях являются неадекватными на пер-
вом курсе по сравнению с представите-
лями третьего и тем более пятого курсов.

Итак, только что обрисована, по су-
ти, констатирующая, если так можно
выразиться, «фотографическая» карти-
на референтных отношений в студенче-
ских группах разных курсов. Также, как
и социометрическая структура, струк-
тура референтных отношений четко от-
ражает трехуровневую представлен-
ность рангового построения всех типов
групп. При этом имеющиеся данные
лишний раз убеждают в справедливос-
ти вывода, что работая со студенчески-
ми группами первого, третьего и пятого
курсов, психолог имеет дело с сообще-
ствами, находящимися на принципи-
ально разных этапах своей жизнедея-
тельности, и, как уже было указано вы-
ше, хотя бы и на уровне обыденного со-
знания отождествляющимися с терми-
нами «становящиеся» (первый курс),
«зрелые» (третий курс), «умирающие»
(пятый). Что же могут раскрыть, буду-
чи интерпретированы в социально-пси-
хологическом плане, наработанные эм-
пирические данные?

Первый вопрос, который возникает,
— это, почему данные, касающиеся
интрагруппового структурирования со-
обществ первокурсников, по сути дела,
по всем выявленным показателям каче-
ственно отличаются от аналогичных па-
раметров студенческих групп третье-
курсников и почти совпадают по целому
ряду позиций с характеристиками групп
пятикурсников, в то же время отличаясь
от последних по некоторым, безусловно,
важным социально-психологическим
свойствам.

Целенаправленное наблюдение за
жизнедеятельностью учебных студенче-
ских групп и консультации с компетент-
ными лицами однозначно показывают,
что в поле своего субъективного воспри-
ятия студенты-первокурсники нередко
весьма обедненно могут характеризовать
друг друга в собственно личностном пла-
не. Другими словами, зная, что их това-
рищ по учебе является членом их учеб-
ной группы, они в то же время заметно
затрудняются в определении его личных
качеств. Понятно, что на этом этапе вза-
имодействия они более чем в трети слу-
чаев оказываются в социометрическом
плане аутсайдерами, а примерно в 75 %
случаев теми, чье мнение в референтом
плане незначимо. Около 40 % перво-
курсников не демонстрируют готовность
к полноценным выборам в сфере аттрак-
ционных, а более чем в 50 % — в сфере
референтных отношений. В этом контек-
сте объяснимы и крайне низкие показа-
тели по взаимным социометрическим и
референтометрическим выборам, а так-
же и отчетливо высокие групповые пока-
затели по социометрическим и референ-
тометрическим «изолянтам».

Казалось бы, на пятом курсе ситуа-
ция должна выглядеть качественно по-

иному. В то же время нельзя не учитывать, что если первокурсники только-только создают референтную для них группу, то пятикурсники, как правило, находятся на стадии, когда с референтностью своей группы практически уже расстаются.

Именно поэтому целый ряд групповых характеристик (по совершенно различным основаниям) первокурсников и пятикурсников достаточно схожи. Это крайне высокий показатель социометрических и референтометрических аутсайдеров, столь же отчетливо выраженное количество социометрических и референтометрических «изолянтов» и настояраживающее число студентов, отказывающихся полностью или частично от своего права на социометрические или референтометрические выборы. В то же время есть и принципиальное отличие в характеристиках групп первокурсников и пятикурсников, если иметь в виду эмпирические данные, традиционно получаемые с помощью аутосоциометрической и аутореферентометрической процедур. Здесь видна нарастающая тенденция к повышению адекватности оценки своих взаимоотношений с конкретными представителями своих групп: чем старше курс, тем выше степень подобной адекватности. Дело в том, что на этапе становления группы эти показатели ниже, чем на стадии зрелого взаимодействия, и уж тем более уступают показателям по этому параметру в учебных группах, проживших свою судьбу, когда в рамках реального партнерства система отношений межличностной значимости была многократно апробирована, перепроверена, а значит, и вполне осознана.

Особый интерес, конечно, представляют данные, имеющие отношение к

третьему курсу, а следовательно, к студенческим группам, находящимся на стадии зрелых межличностных отношений, по сути, «на пике» своего социально-психологического развития.

По всем основным параметрам межличностных отношений в сфере аттракционного и референтного взаимодействия эти сообщества превосходят и группы первокурсников, и группы пятикурсников: а) в рамках *социометрической структуры* — высокостатусных и среднестатусных членов больше; «изолянтов» и тех, кто отказался реализовать предложенный социометрический выбор, меньше; студентов, демонстрирующих взаимность выборов, больше; б) в рамках *референтометрической структуры* высокостатусных и среднестатусных больше; «изолянтов» и тех, кто отказался реализовать предложенный референтометрический выбор, меньше; студентов, демонстрирующих взаимность выборов, больше. Следует подчеркнуть еще раз, что адекватность ожиданий в системе как аттракционных отношений, так и отношений референтности, по-видимому, напрямую связана со сроком реализации партнерского взаимодействия студентов в рамках группы: здесь в обоих случаях достаточно жестко прослеживается тенденция — чем старше курс, тем более оправданы, а значит, и адекватны экспектации сокурсников.

Особенности структуры неформальной власти студенческих групп

Теперь об особенностях неформальной интрагрупповой структуры власти в учебной студенческой группе. На первом курсе отчетливо высокостатусных —

не более 5 %, отчетливо среднестатусных — примерно две трети, низкостатусных — чуть больше одной трети; на третьем курсе отчетливо высокостатусных — примерно одна шестая, среднестатусных — две трети, низкостатусные — практически каждый пятый; на пятом курсе отчетливо высокостатусных — практически каждый пятнадцатый, а отчетливо среднестатусных и низкостатусных — практически поровну, по 45 %.

Итак, нами представлены материалы, раскрывающие особенности интрагруппового структурирования учебных студенческих групп разных курсов обучения. Другими словами, изложена интерпретационная картина отношений межличностной значимости в плане их аттракционных, референтных и властных проявлений. В то же время практически-социальному психологу немаловажно знать, каким образом и в какой степени интегральный интрагрупповой статус играет роль значимого ориентира в системе реальных межличностных взаимодействий в рамках студенческой группы.

Особенности статусной ориентации при взаимовосприятии студентами в рамках учебной группы

Ответ на этот вопрос могут предоставить наработанные эмпирические данные, полученные с помощью техники «репертуарных решеток» Дж. Келли (Д. Банистер, М.Ю. Кондратьев, И.В. Поротова, М.Е. Сачкова, Ф. Франселла, Л.П. Хохлова и др.). Следует отметить, что в связи с задачами исследования в дальнейшем использовались количественные данные о способах решения задачи «сходство-различие» лишь

тех вариантов триад, при построении которых уже имплицитно заложен вариант их решения в логике «два к одному» («двое высокостатусных — один среднестатусный», «двое высокостатусных — один низкостатусный», «двое среднестатусных — один высокостатусный», «двое среднестатусных — один низкостатусный», «двое низкостатусных — один высокостатусный», «двое низкостатусных — один среднестатусный»; классическая инструкция Дж. Келли применительно к решению триад звучит следующим образом. «Из трех входящих в триаду людей выберите двоих, сходных по какому-либо качеству или свойству и в то же время отличающихся от третьего члена триады. Отметьте их»).

Если не учитывать принадлежность студентов к тому или иному статусному «слою» учебной группы, но принимать в расчет, на каком курсе они учатся, то вырисовывается следующая картина способа решения ими задачи «сходство-различие» в системе межличностных отношений. Имплицитно заложенную подсказку решения триад, построенных в логике «2 : 1», по критерию интегрального внутригруппового статуса на первом курсе «приняли» немногим более чем в 10 % случаев, на третьем — более чем в 40, на пятом — примерно в 35 % случаев. Таким образом, более чем очевидно, что система межличностного восприятия, а значит, и реальных межличностных отношений представителей разных курсов между собой в рамках учебных студенческих групп строится по-разному.

Анализ специальной психологической, прежде всего социально-психологической литературы и консультации с компетентными лицами приводят к вы-

воду, что решающим фактором здесь являются опыты реального контактного взаимодействия и в связи с этим мера осознания студентами, каким образом выстроена система межличностных взаимоотношений в группе их активного членства. Немаловажным фактором является и то, насколько они воспринимают данное сообщество как референтное не только в логике «здесь и теперь» (что касается прежде всего студентов пятого курса). Достаточно низкий процент решения триад по имплицитной подсказке на первом курсе по сравнению с группами третьего и пятого курсов связан не с тем, что реальный статусный «расклад» не влияет на оценку первокурсниками партнеров по взаимодействию и общению, а решающим образом определяется их незнанием реальной расстановки сил в сообществе. Не следует забывать, что речь идет о группе зарождающейся, «становящейся», а потому не структурированной жестко.

Еще более интересными выглядят эмпирические данные по студентам третьего и пятого курсов. Наибольший показатель относится именно к группам третьекурсников. При сравнении показателей по группам третьего и пятого курсов статистически значимые различия обычно не выявляются, определенная тенденция, отражающая более низкую степень ориентации выпускников вуза на интегральный интрагрупповой статус своих соучеников при их оценке по сравнению с третьим курсом, все-таки фиксируется. Подобный факт, эмпирически подтвержденный, позволяет сформулировать определенный гипотетический вывод, тем более, что основания для него содержатся и в блоке «социометрия—референтометрия». Если в группах

первокурсников отказ от имплицитно заложенной статусно-дифференцирующей подсказки, по-видимому, связан с не до конца осознанными студентами особенностями интрагрупповой структуры, то в группах пятикурсников заниженные по сравнению с третьекурсниками показатели их статусно-ориентированного подхода к оценке своих товарищей по учебе, скорее всего, связаны не с тем, что они не различают интрагруппового «расклада» сил, а с тем, что данная группа перестает быть для них в необходимой степени референтной. По сути, решая задачу, поставленную в логике «сегодня и здесь», они уже личностно преимущественно ориентированы в логике «завтра и там», прежде всего в связи с тем, что видение «завтра и там» связано с миром реальной профессиональной деятельности, к успешной реализации в которой они себя готовили в течение всех лет обучения в вузе.

Конечно, только что высказанное предположение по поводу выявленной тенденции и зафиксированной закономерности не может рассматриваться как исчерпывающе достаточное для прояснения схемы взаимовосприятия разностатусных студентов в реально функционирующих учебных группах. Как минимум для этого необходимо, помимо принадлежности испытуемых к конкретным курсам, ввести и еще одну переменную, позволяющую учесть, что речь идет о высокостатусных, среднестатусных или низкостатусных студентах.

Остановимся на рассмотрении закономерностей и зависимостей, которые характеризуют особенности статусной ориентации студентов первокурсников при построении ими системы своих взаимоотношений с соучениками.

Высокостатусные студенты-первокурсники практически в 90 % случаев жестко решают триады «двое высокостатусных — один среднестатусный», «двое высокостатусных — один низкостатусный» в логике именно имплицитно заложенной «подсказки». Иными словами, они практически всегда объединяют высокостатусных студентов и в качестве «третьего» выделяют либо среднестатусного, либо низкостатусного. Несколько иная картина дифференциации демонстрируется ими, когда речь идет о решении двух других видов триад, в которых представлены высокостатусные члены этой группы — «один высокостатусный — два низкостатусных» или «один высокостатусный — два среднестатусных». Если при решении первого варианта триад более чем 95 % случаев высокостатусный испытуемый четко следует имплицитной подсказке, то в случае когда сравнение происходит в логике «один высокостатусный — два среднестатусных», подобное жестко статусное восприятие осуществляется лишь в 73 % случаев (различия статистически значимы на уровне $p \leq 0,05$). Нелишним будет отметить, что высокостатусными студентами-первокурсниками, если членами триады в двух последних вариантах были они сами, лишь в единичных, конкретных случаях демонстрируется готовность заметить личностное сходство со своими среднестатусными товарищами по учебной группе. При этом, как показывает опрос компетентных лиц, все эти артефакты подпадают под объяснительную ситуацию «он мой друг или она моя подруга».

Теперь, что касается *среднестатусных первокурсников*. Следует сразу отметить, что они были наименее ориентиро-

ваны при восприятии своих согруппников с позиции их статусной иерархии общества. Именно они чаще всего не учитывают статус конкретного студента, определяя его сходство или различие с другими, примерно в 70 % случаев решая триады типа «два среднестатусных — один высокостатусный» и «два высокостатусных — один среднестатусный» вне логики имплицитно заложенной «подсказки». Правда, несколько иная картина обнаруживается при анализе эмпирических данных, касающихся двух других типов триад — «два среднестатусных — один низкостатусный» и «один среднестатусный — два низкостатусных». Здесь практически в двух из трех случаев (более 58 %) среднестатусные студенты все же учитывают статус соученика при решении задачи «сходство-различие». Более того, если это касается самого испытуемого, то при решении триады «один среднестатусный (он сам) — два низкостатусных» в 80 % случаев «третьим» он называет именно себя.

Если говорить о *низкостатусных первокурсниках*, следует отметить их подчеркнутое стремление проявить свое неприятие сложившейся ситуацией и продемонстрировать это неприятие при условии, что они вполне адекватно воспринимают свою статусную позицию в студенческой группе и попросту проявляют отчетливо выраженный негативизм. Так, решая задачу определения «сходство-различие» в двух типах триад, где низкостатусные и высокостатусные члены группы соседствуют, более чем в 80 % случаев аутсайдеры отмечают сходство своих «товарищей по статусу» с лидерами. В тех случаях когда в триадах типа «один высокостатусный — два низкостатусных» представлен именно дан-

ный низкостатусный испытуемый, он более чем в 90 % случаев подчеркивает свое принципиальное несходство с лидерами, что, по-видимому, может служить достаточно весомым аргументом в пользу того, что понимание реального «расклада» сил в группе ее низкостатусными членами полностью присутствует. Решая же триады типа «один среднестатусный — два низкостатусных» и «один низкостатусный — два среднестатусных», студенты-аутсайдеры, как правило, демонстрируют полное понимание несовпадения социальных позиций членов триады. Более чем в 70 % случаев они четко решают триады по имплицитно заложенной статусной «подсказке»: «два среднестатусных схожи и низкостатусный отличен от них» или «два низкостатусных схожи и один среднестатусный отличен от них».

Интересен и тот факт, что первокурсники-аутсайдеры четко различают статусы высокостатусного и среднестатусного членов группы. Практически всегда и в триадах «два высокостатусных — один среднестатусный», и в триадах «два среднестатусных — один высокостатусный» низкостатусные студенты-первокурсники принимают статусно-ориентированную подсказку в качестве единственно правильного и возможного решения.

Теперь следует остановиться на анализе особенностей статусной ориентации студентов-третьекурсников.

Высокостатусные студенты-третьекурсники, решая задачу «сходство-различие» в рамках триад типа «один высокостатусный — два среднестатусных» и «один высокостатусный — два низкостатусных», как правило, придерживаются интрагрупповых статусных ориентиров,

т. е. практически в 90 % случаев решают триаду исходя из имплицитно заложенной подсказки, выделяя в качестве «третьего» высокостатусного студента. Следует, правда, отметить целый ряд случаев (более 10 %), когда в триадах, в которые включены высокостатусный и двое среднестатусных, решения происходят по формуле «АВ : В», т. е. высокостатусный испытуемый признает свое сходство с каким-то конкретным среднестатусным соучеником. Понятно, что подобные и при этом неединичные артефакты требуют специального объяснения. Целенаправленное наблюдение за жизнедеятельностью студенческих групп и консультации с компетентными лицами позволяют выявить следующий факт: во всех без исключения подобных случаях этот конкретный среднестатусный является близким другом высокостатусного испытуемого. Следует отметить также, что случаев решения триад типа «один высокостатусный — два низкостатусных» по формуле «АВ : В» практически не бывает. Что касается решения задачи «сходство-различие» в рамках триад типа «два высокостатусных — один среднестатусный» и «два высокостатусных — один низкостатусный», то картина здесь оказывается несколько иной. Эти триады высокостатусные испытуемые решают, преимущественно ориентируясь на четко осознаваемую ими интрагрупповую статусную расстановку сил в учебном сообществе. Более чем в 80 % случаев лидеры-третьекурсники в своих решениях триад жестко придерживаются имплицитно заложенной подсказки. В то же время решая задачу «сходство-различие», в целом ряде случаев (более 15 %) высокостатусные студенты в качестве «третьего» выделяют одного из высоко-

статусных. При этом в триадах, где был один среднестатусный, это происходит, как правило, тогда, когда сам высокостатусный испытуемый включен в триаду, а среднестатусный является его другом или хотя бы близким приятелем (по сути, та же артефактная модель, что и в ситуации, когда триады решаются по формуле «АВ : В», будучи построены по принципу «один высокостатусный — два среднестатусных»).

Подобные артефакты, как правило, фиксируются и в рамках триад, в состав которых включен низкостатусный студент. Другими словами, порой наблюдаются решения подобных триад некоторыми испытуемыми, когда один из высокостатусных выделяется третьим, а другой определяется как сходный с низкостатусным. Детальный анализ этих конкретных индивидуальных бланков, а также консультации с компетентными лицами показывают, что практически все подобные случаи подчеркивания схожести высокостатусного студента с низкостатусным касаются ситуаций, когда высокостатусный испытуемый является членом триады, а второй высокостатусный, входящий в нее, находится с ним в откровенно напряженных отношениях, конкурируя за лидерство в учебной студенческой группе. Иначе говоря, фиксируемые случаи откровенного отказа от решения подобных триад по заданному алгоритму должны рассматриваться скорее как нежелание признавать свою схожесть с конкурентами.

Что касается *среднестатусных третьекурсников*, прежде всего, следует констатировать, что они в отличие от среднестатусных первокурсников не менее четко, чем их высокостатусные соученики, осознают реальную интрагрупповую

структуру, и ориентируются на нее, выстраивая свои взаимоотношения в учебной группе, на что указывает их преимущественно статусно-ориентированный подход к решению задачи «сходство-различие». Более чем в 70 % случаев триады всех четырех рассматриваемых типов («один среднестатусный — два высокостатусных», «один низкостатусный — два среднестатусных», «один среднестатусный — два низкостатусных», «один высокостатусный — два среднестатусных») решаются по формуле «АА : В». При этом следует отметить, что практически в четверти случаев эти триады решаются среднестатусными третьекурсниками принципиально иным способом, а именно в логике «АВ : В». Это случаи, когда наряду со среднестатусными в триаду включены высокостатусные студенты. По сути, речь идет о стремлении достаточно большой части представителей среднестатусного слоя идентифицировать себя в качестве высокостатусного, пытаясь найти сходные с ним особенности и личностные свойства. Сопоставительный анализ этих случаев и конкретного положения этих испытуемых в ранговом ряду, выстроенном по критерию неформальной власти в контактном сообществе, однозначно показывает, что в подавляющем большинстве именно эти среднестатусные студенты занимают наиболее благоприятные позиции среди своих одностатусных товарищей в группе, максимально приближаясь к высокостатусному «слою».

Если говорить о *низкостатусных третьекурсниках*, то они, решая задачу «сходство-различие», демонстрируют отчетливо выраженное понимание, каким является их положение в интрагрупповой структуре неформальной вла-

сти. Более чем в 95 % случаев решение всех четырех рассматриваемых типов триад («один низкостатусный — два высокостатусных», «один низкостатусный — два среднестатусных», «два низкостатусных — один высокостатусный», «два низкостатусных — один среднестатусный») решаются в логике имплицитной подсказки. Остальные примерно 5 % случаев приходятся на единственную артефактную ситуацию: низкостатусный испытуемый, включенный в триаду типа «один низкостатусный — два среднестатусных», осуществляет решение триады по формуле «АВ : В».

Что касается студентов-пятикурсников и специфики их статусных ориентаций при оценке своих соучеников, эта картина разительно отличается от той, которая характеризует в этом плане и первокурсников, и третьекурсников.

Прежде всего следует отметить, что здесь и высокостатусные и среднестатусные студенты, по сути, в одинаковой степени демонстрируют качественно более низкую ориентацию на статус своих соучеников как на решающее основание их оценки в условиях решения задачи «сходство-различие». Правда, подобное «невидение» статусных различий они демонстрируют чаще всего, когда дело касается триад, в которые включены именно среднестатусные и высокостатусные (лишь примерно в одной трети случаев задача «сходство-различие» решается, согласно имплицитной подсказке, по формуле «АА : В»). В триадах же типов «один высокостатусный — два низкостатусных», «один низкостатусный — два высокостатусных», «один среднестатусный — два низкостатусных», «два среднестатусных — один низкостатусный» решение практически од-

нозначно принимается в логике преимущественной ориентации на статус (более чем 98 % случаев вне зависимости от того, высокостатусным или среднестатусным был сам испытуемый; различия статистически значимы; $p \leq 0,01$). Что касается низкостатусных испытуемых, они практически вообще не учитывают реальный статусный «расклад» в студенческой группе, какой бы из вариантов четырех типов рассматриваемых триад ни решался («один низкостатусный — два высокостатусных», «один высокостатусный — два низкостатусных», «один среднестатусный — два низкостатусных», «два среднестатусных — один низкостатусный»). По всем из них формула решения «АА : В» не превышает уровень в 20 % случаев и решение триад по статусному «раскладу» является, скорее, простым совпадением, чем демонстрацией ориентации низкостатусных студентов-пятикурсников на позицию того или иного соученика в статусной иерархии.

Если перейти к содержательной интерпретации эмпирики, наработанной с помощью техники «репертуарных решеток» Дж. Келли, то прежде всего следует учитывать, что речь идет о группах, находящихся на разных этапах своего развития: «становящиеся» — группы первокурсников; «относительно зрелые» — группы третьекурсников; «умирающие» — группы пятикурсников.

Заключение

Если говорить о первокурсниках, то выявленные закономерности и зависимости, с одной стороны, подтверждают, что эта категория учебных сообществ может быть охарактеризована именно

как группы «становящиеся», находящиеся в самом начале своего «жизненного пути», а с другой — раскрывают социально-психологическую специфику особенностей отношений межличностной значимости именно на этом этапе группового развития. В данном случае четкая ориентация относительно небольшого числа высокостатусных студентов на расстановку сил по критерию неформальной власти в группе связана, по-видимому, с тем, что во многом именно они являются своего рода «мотором» процесса групповой поляризации и формирования достаточно выраженной непаритетности межличностных отношений в учебных студенческих группах. К тому же, на первом курсе, в отличие от третьего курса, высокостатусные члены группы, явно демонстрируя свою несхожесть (а возможно, в их собственном видении свою «особость») с основной массой студентов, в своем представлении практически объединяют среднестатусных и низкостатусных как единую категорию «они», противопоставляя этому «они» достаточно целостное «мы», практически никогда не утруждая себя поиском качественной несхожести с собой другого высокостатусного студента.

Вместе с тем низкостатусные члены группы также строят свои межличностные отношения исходя из уже зародившейся внутригрупповой иерархии власти. Но в связи с тем что их позиция, в отличие от высокостатусных, явно неблагоприятна, они, демонстрируя понимание сложившейся и складывающейся ситуации, пытаются сопротивляться, доказывая себе и другим свое личностное сходство с лидерами. Понятно, что подобная позиция, если бы ее демонстрировали члены «зрелых» групп, не могла

бы быть воспринята иначе, чем, мягко говоря, неадекватная. Но в условиях лишь формирующейся, «становящейся» группы такая межличностная активность, с одной стороны, подчеркивает незавершенность процесса интрагруппового структурирования, а с другой — позволяет увидеть способ, типичный для аутсайдеров-первокурсников в их борьбе за повышение своего статуса в сообществе и в своих собственных глазах. На этом этапе группообразования студенческого сообщества наиболее индифферентно к статусному «раскладу» сил в группе относится ее большинство — среднестатусные студенты, которые если и замечают существующую расстановку сил, то еще не могут или не хотят осознать ни свое место в ней, ни то, что именно они могут определять всю систему внутригруппового взаимодействия и общения.

В группах студентов-третьекурсников, которые образуют относительно «зрелые» сообщества, и картина интрагрупповых взаимодействий качественно иная. В данном случае представители всех трех статусных категорий четко понимают устойчивость сложившейся интрагрупповой структуры власти, каждый из них осознает свою отнесенность к одному из трех статусных «слоев». При этом высокостатусные члены группы, уже не опасаясь потерять свою позицию, в ряде случаев объединяют себя с некоторыми из среднестатусных, так как именно с их помощью и при их поддержке они и могут противостоять конкурентным притязаниям на власть со стороны других лидеров группы. В свою очередь, наиболее «благополучные» среднестатусные студенты нередко объединяют себя с конкретными высокоста-

тусными, стремясь еще более повысить свой статус и, возможно, перейти в категорию высокостатусных. Что касается низкостатусных третьекурсников, то в условиях развитых, устойчивых и иерархически выстроенных отношений межличностной значимости они в подавляющем большинстве случаев даже и не пытаются изменить свой статус в интрагрупповой структуре.

Ситуация в группах студентов-пятикурсников не просто количественно, а разительно качественно отличается от картины межличностных предпочтений в студенческих группах как первокурсников, так и третьекурсников. В данном случае речь идет о сообществах, находящихся на последнем и при этом «окончательном» этапе своей

жизнедеятельности. Именно этим в решающей степени и определяются фиксируемые в этих сообществах закономерности и зависимости, отражающие характер отношений межличностной значимости. Если учесть, что данные группы для подавляющего большинства своих членов, ориентированных на дальнейшую свою профессиональную деятельность вне стен вузов, в связи именно с этим перестали быть референтными, становится понятным, почему высокостатусные и среднестатусные воспитанники уже практически не различают друг друга с этой точки зрения, а низкостатусные, по сути дела, отказываются видеть и учитывать существующую интрагрупповую структуру в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология социальной психологии возраста / Под ред. М.Ю. Кондратьева. М., 2010.
2. Кондратьев М.Ю. Социальная психология в образовании. М., 2008.
3. Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М. Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
4. Кондратьев Ю.М. Особенности отношений межличностной значимости в системах «студент-студент» и «преподаватель-студент» в современном российском вузе: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.
5. Сачкова М.Е. Социально-психологический портрет ученической группы // Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики. Вып. 3. М., 2005.
6. Франселла Ф., Банистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.

Interpersonal Relationships and Mutual Perception in Student Groups

YU.M. KONDRATYEV

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper presents the outcomes of the empirical research on intragroup structuring in student groups and mutual assessment in group members of various statuses. Groups of university students differ a lot in the level of their social psychological development, which is mostly due to the period of their functioning. Moreover, the character of intragroup structures of attraction, reference relationships and informal authority is qualitatively different in first-, third- and fifth-year students of university. Also, the article provides empirical evidence that intragroup status reveals itself differently in the process of students' mutual assessment depending on their year of study – first, third or fifth.

Keywords: *student group, intragroup structure, attraction relationships, reference relationships, informal authority relationships, interpersonal relationships in small groups, mutual assessment, intragroup status.*

REFERENCES

1. Antologiya social'noi psihologii vozrasta / Pod red. M.Yu. Kondrat'eva. M., 2010.
2. Kondrat'ev M.Yu. Social'naya psihologiya v obrazovanii. M., 2008.
3. Kondrat'ev M.Yu., Kondrat'ev Yu.M. Psihologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti. M., 2006.
4. Kondrat'ev Yu.M. Osobennosti otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti v sistemah «student-student» i «prepodavatel'-student» v sovremennom rossiiskom vuze: Diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2006.
5. Sachkova M.E. Social'no-psihologicheskii portret uchenicheskoi gruppy // Social'no-psihologicheskie problemy obrazovaniya: Voprosy teorii i praktiki. V. 3. M., 2005.
6. Fransella F., Banister D. Novyi metod issledovaniya lichnosti. M., 1987.